

справедливости долженъ быть ублажаемъ, такъ какъ онъ не только не обращалъ вниманія на свои страданія, но, оставивъ себя, заботился и о другомъ, старался избавить его отъ заблужденія и сдѣлаться учителемъ на крестѣ. Или ты, говоритъ, не боишься Бога?.. Посмотри на совершенное исповѣданіе. Видишь ли глубочайшее благоговѣніе? Когда такимъ образомъ онъ обвинилъ самъ себя, когда обнаружилъ свои дѣла, когда произнесъ защиту за Владыку: «мы убо въ правду: сей же ни единаго зла сотвори»; тогда осмѣлился предложить и просьбу. Онъ не дерзалъ прежде сказать: «помяни мя», пока исповѣданіемъ не очистилъ себя отъ нечистоты грѣховъ, пока осужденіемъ своимъ не сдѣлалъ себя невиннымъ, пока обвиненіемъ себя не сложилъ прегрѣшеній своихъ. Слыша это, возлюбленный, никогда не отчаивайся, но представляя неизреченное величіе чело-вѣколюбія Божія, поспѣши исправленіемъ отъ грѣховъ. (Бесѣда о крестѣ и разбойникѣ, т. II). Стефанъ Яворскій въ «Камнѣ вѣры» говоритъ: «И есть вѣроятно, какъ и разбойникъ вѣрующъ во Христа, и не могущъ имѣти благихъ дѣлъ внѣшнихъ видимыхъ, имѣяше внутреннія благая дѣла невидимая, сирѣчь, сокрушеніе, умиленіе, упованіе, смиреніе, любовь и прочая. Къ симъ же разбойникъ нѣсть образъ прочимъ, якоже Валаама во ослицъ провѣшавшая, нѣсть образъ прочимъ ослицамъ».

Да послужитъ же настоящая статья вразумленію искреннихъ баптистовъ и рукою помощи для колеблющихся православныхъ, соблазняющихся заманчивымъ ихъ ученіемъ о «даровомъ спасеніи» и «легкой ихъ вѣрѣ». Нѣтъ, по ученію Спасителя, Царство Небесное не легко, а «силою берется, и употребляющіе усиліе восхищаютъ его» (Мате. 11, 12 ст.).

Священникъ Владимиръ Космолинскій.

Со страницъ жизни и литературы.

X.

Отличительная черта переживаемого нами вѣка—повышенный интересъ къ выдающимся фактамъ или явленіямъ жизни. Погоня

за сенсацией. Теперь каждый непонятной для него силою втянуть въ атмосферу міровой жизни. Каждый развѣртываетъ теперь *газетный* листъ съ тайнымъ желаніемъ прочитатъ, узнать о чемъ либо такомъ, что можетъ бить по нервамъ человѣка.

Идеями, лежащими въ основѣ явленій, мало кто теперь интересуется. Онѣ какъ морскіе камни, лежатъ на морскомъ днѣ и нуженъ слишкомъ сильный прибой морскихъ волнъ, чтобы отдѣльные экземпляры ихъ выбросить наружу.

Такимъ прибоемъ живыхъ народныхъ волнъ являются всѣ общественные, народные перевороты, Наша революція, какъ девятый валъ, однимъ концомъ ударило о государственное тѣло Россіи, а другимъ о живую, народную вѣру, иначе—о религію народа.

А религія это и есть длинная цѣпь *идей*, одинъ конецъ которой въ рукахъ Бога, другой—въ рукахъ человѣка. *Вѣчная* связь творенія съ своимъ Творцомъ...

Вотъ въ эту цѣпь-то направляются теперь тяжелые удары съ тѣмъ, что бы разомкнуть, разбить эту цѣпь.

Разъединить Бога и человѣка.

Изъ глубокихъ источниковъ разумаго сознанія человѣческаго идетъ строго *идейная* работа, которую можно опредѣлить однимъ словомъ: богоборчество.

„Но вотъ они уже стояли другъ передъ другомъ—два міра, готовые столкнуться съ шумомъ бури (это о. Геннадій и его сынъ Георгій, членъ боевой организациі) *)

Шелъ Христосъ Своей блѣдной походкой, съ лучистыми глазами. Потрясалъ скрижалями Моусей, съ лицомъ багровымъ отъ гнѣва. Выбѣгалъ изъ пещеръ быстрый и сухой Илія...

Но падали царства отъ заразы пороковъ и выростали новыя, что-бы утопать въ похоти и наполнять землю разгуломъ плоти. И раскрылось надъ ними небо, вспыхивало сѣдое лицо... дышало гнѣвомъ и мстью...

Отравлена грѣхомъ каждая пылинка міра!..

Поднимали руки, точно призывая гибель:

„Потухнетъ солнце, упадутъ звѣзды...“

Какъ видите, гнѣвъ отца направленъ на грѣхъ, на растлѣніе земли, на непризнание ея вѣчныхъ началъ, которые несли въ міръ древніе пророки и Самъ Христосъ.

Не то въ проклятѣяхъ сына. Этотъ обрушивается не на землю съ ея растлѣніемъ и порокомъ, а на небо.

„Изъ бурныхъ словъ сына выбѣгалъ кто-то темный, худой, кричащій. Вскрывалъ горящія раны. Проклиналъ небо, стоналъ и падалъ, *цѣловалъ землю*, прижимался къ ней... и вставалъ... и

*) „Сказки земли“ С. Гусевъ-Оренбургскій.

выросталъ. Въ гнѣвѣ, въ ярости, въ страсти разрушалъ *отчужденныя* стѣны. Перестраивалъ землю. Кричалъ въ шумной радости:

—Побѣда!

Дрожала земная грудь, и колыхались на ней травы:

—Побѣда!

—Ты человѣка сдѣлалъ своимъ богомъ! Сгустокъ грязи, комокъ грѣха! Георгій! Георгій! Вѣдь, ты свергаешь религію!

—Есть только одна религія—религія Природы!

—Уничтожаешь мораль?!

—Есть только одна мораль—мораль земли. А ваша, —взятая на прокатъ съ неба...

—Опомнись, Георгій! Теперь они стояли, какъ враги, и, точно довя руками звѣзды, напали другъ на друга.

—Что же есть для тебя святого, если сама добродѣтель...

—Лицемерная маска разбойниковъ!

—Но святость семьи, семьи?!

—Гдѣ люди соединены не сердцемъ, а желудкомъ?

—Но цѣломудріе?!

—Сгорающее отъ тайныхъ желаній, доводящихъ до невѣроятныхъ извращеній? Развѣ не для него существуютъ публичные дома, охраняемые вашимъ государствомъ и больницы, гдѣ люди разлагаются заживо!

—Георгій! Въ тебѣ говорить гордость сатаны!

—Это гордость свободного духа!

—Блаженны кроткіе!

—Ложь! Блаженны только смѣлые духомъ, ибо они станутъ людьми... въ братскую семью они сольются и покорятъ землю и измѣнятъ свою природу: возвышенной, прекрасной сдѣлаютъ ее!... „Они идутъ... трудовые братья земли... они идутъ... Они сдѣлаютъ землю и аемъ,—храмъ любви и братства создадутъ изъ нея. И тогда то, что вы зовете *грѣхомъ, порокомъ, преступленьемъ*, —исчезнетъ съ лица земли“...

Ваша „Мораль, Религія, Право,—вся эта выжимка изъ господства однихъ надъ другими,—наложила свою грязную руку на великое творчество жизни“...

Что бы исчерпать исповѣданіе богоборчества необходимо знать или видѣть ихъ вѣру не со стороны только отрицанія ея прежнихъ, вѣковѣчныхъ началъ жизни (Религія, Нравственность, Право) но и со стороны утвержденія ея новыхъ цѣлей и новыхъ горизонтовъ жизни, новаго богостроительства. Это послѣднее мы находимъ не у Гусева Оренбургскаго только, но выпуклѣе и ярче—у М. Горькаго, въ его извѣстной „Исповѣди“, гдѣ рассказъ ведется отъ лица «крапивника, подкидыша, незаконнаго чело- вѣка», Матвѣя, котораго съ дѣтства судьба бросала въ разныя

мѣста, къ разнымъ людямъ, что и дало возможность автору, искусно прикрывая свое алиби, представить вопросы вѣры и жизни въ томъ освѣщеніи, какое дается имъ тѣми, съ кѣмъ встрѣчался Мотыка. Но не трудно разглядѣть, что за всеми этими „странниками“, „прохожими“ «фабричными учителями» и «конспираторами» скрывается всеѣмъ знакомое лицо нашего русскаго интеллигента—отрицателя.

Натасканъ, но не обученъ; поверхностно—развить, но не глубоко образованъ. Талантливъ, но не въ сторону созиданія, а въ сторону разрушенія.

Какъ самъ авторъ „Исповѣди“—М. Горькій. Возвратимся, однако, къ Георгію Г. Оренбургскаго.

Мрачное вдохновеніе охватило Георгія, и онъ сталъ бросать рѣзкія слова, точно тяжелые камни.

Человѣка еще не было!

Человѣкъ будетъ.

Человѣкъ—это нѣсколько клѣточекъ въ мозгу.

Остальное—звѣрь!

Тогда вырастетъ новый человѣкъ!

Онъ исправитъ въ себѣ звѣря. Облагородитъ его.

И не будетъ у него иного бога,—кромѣ Истины.

Иной религіи—кромѣ красоты.

Иной морали—кромѣ Гармоніи жизни.

Къ Красотѣ жизни черезъ Истину человѣка—вотъ путь исторіи будущаго...

Въ этихъ признаніяхъ Георгія мы видимъ не осколки, а цѣльную схему міровоззрѣнія тѣхъ общественныхъ группъ, которыя порвали свою связь съ религіей и христіанствомъ. Поэтому такое міровоззрѣніе приходится разбирать не съ точки зрѣнія лишь христіанской вѣры и нравственности, а сначала съ точки зрѣнія общечеловѣческихъ законовъ мысли и жизни. Спросимъ представителей такого безрелигіознаго и безбожнаго міровоззрѣнія: управлялась ли жизнь отъ начала ея на землѣ и до настоящихъ дней такими (однѣми) отвлеченными положеніями (или принципами) какъ Истина, Гармонія, Красота?..

Никогда. По крайней мѣрѣ—для человѣка. Этихъ отвлеченныхъ понятій не могло бы быть и въ языкѣ человѣка, если бы онъ не узналъ живого воплощенія ихъ—Бога, какъ первоисточника всякой истины, гармоніи и красоты. Да и для Георгія онъ—эти истины—не пустые звуки только потому, что онъ видитъ за ними опредѣленные призраки:

„Весъ трепетный и гнѣвный, кричащій отъ необъятной внутренней боли, онъ (Георгій) уже бился съ призраками, уже наполнялъ степь образами...

Чего?

«Крови, пожаровъ, залповъ, стоновъ, висьлицъ... Выростали висьлицы, впивались въ небо»

Какъ видите, во имя разрушенія старыхъ истинъ и прежнихъ законовъ жизни воля Георгія *двигается не по линіи идей*—идеи хороши, божественно-прекрасны, а *по линіи отвратительныхъ фактовъ*.

За идеями—ликомъ Божиимъ—видится отвратительный ликъ діавола.

И такъ отъ дней падшаго Адама до Голгофы, отъ Голгофы до нашихъ дней...

Георгій участникъ террористическаго акта... Для о. Геннадія—лицо его сына... любимое лицо... лицо преступника?

Мысли о. Геннадія метались. Добро и зло перемѣшались. Такъ развѣ можетъ добро рождаться зломъ?

Любовь—ненавистью? Эти вопросы о. Геннадія—вопросы всего человѣчества и всѣхъ времёнъ.

Какъ-бы отвѣчая на эти вопросы планъ Божьяго домостроительства далъ достаточно долгій срокъ человѣчеству убѣдиться въ одной непреложной истинѣ: не спасутъ человѣка, не очистятъ грязь жизни никакія идеи.

Развѣ древній міръ не зналъ идей—своей Истины, своей Красоты, своей Гармоніи?

Конечно зналъ. И вотъ когда люди долгимъ историческимъ опытомъ убѣдились въ своемъ безсиліи создать изъ себя новую породу человѣка, перестроить міръ, тогда планъ Божьяго домостроительства показываетъ на живомъ Лицѣ Иисуса Христа тотъ всеобъемлющій законъ, который долженъ обновить, усовершенить и каждую отдѣльную личность человѣка и весь міръ въ его цѣломъ.

Законъ этотъ—Любовь („Богъ—любы есть“) и *во имя ея—Жертва*: „Вотъ иду исполнить волю Твою, Боже“ (Псал. 39)

И то, и другое, т. е. и Любовь, и Жертва являются не отвлеченными формулами и не пустыми понятіями, а живыми фактами, иначе—самая *дѣятельность* человѣка (слѣд. сама жизнь) направляется или по линіи, т. е. въ соответствіи этихъ законовъ или въ сторону отъ нихъ.

И жизнь наполняется или *добромъ*, или *зломъ*. И въ то, и въ другое человѣкъ можетъ вполнѣ сознательно влгать и свою истину, и свою красоту, и свою гармонію...

Свящ. Ал. Ушаковъ.